

Предисловие

В книге проведено научное исследование одного из ключевых институтов российской правовой и политической системы — Конституционного Суда (далее — КС, Суд), — охватывающее период от его создания в 1991 году до новейшей трансформации в рамках конституционной реформы 2020 года. В целом развитие Суда за истекшие тридцать лет определяется динамикой российского конституционализма новейшего времени. Так, оно вполне вписывается в логику большого конституционного цикла, охватывающего три фазы: отказ от старой советской модели номинального конституционализма, начавшийся в период перестройки и завершившийся с крушением СССР, создание новой модели, основанной на либеральных ценностях прав человека (с принятием Конституции 1993 года), и её трансформация в постсоветский период, завершившаяся консервативно-реставрационной конституционной ревизией 2020 года.

Идея независимого конституционного правосудия непосредственно связана с принципами конституционализма, а именно с идеями правового государства, разделения властей и приоритета прав личности, что составляет основу современного либерального государства. Данная идея прошла длительный путь развития и получила различные трактовки в теории конституционного права, конституциях современного мира и практике реализации их норм. В самом общем виде конституционная юстиция означает способность Конституционного Суда сказать «нет» законодательной власти и выступить в роли полноценного «негативного законодателя». Однако эта роль институтов контроля конституционности появилась сравнительно недавно. Ранее суды признавались «наименее опасной властью» в системе разделения властей, а их функции ограничивались определением «уста закона». Экспансия конституционного правосудия в мировом масштабе относится преимущественно к XX веку, когда оно в результате резкого увеличения сложности социального и экономического регулирования, государственного управления и законодательного процесса получает широкие prerogatives активного толкования законодательства и превращается едва ли не в конкурента законодателя. Возникает даже своеобразный феномен — «правление судей».

В этом смысле роль судебной власти в создании современного конституционализма очень велика, но получает принципиально различные оценки. Так, если одни приветствуют её и считают вполне логичной, то другие говорят об опасности развития данного тренда. Последние указывают на

то, что данный тренд противоречит демократии (неизбираемые суды становятся на деле конкурентами избираемых парламентов), способен с позиций юридического формализма блокировать проведение необходимых экономических реформ либо подрывать коллективное выражение народного волеизъявления, объявляя его несовместимым с либеральными конституционными принципами. Именно к этому сводятся аргументы современных популистских противников конституционного правосудия, взывающих к некоему «народному конституционализму» и требующих «забрать Конституцию из судов». Но при всех спорах о значении конституционного правосудия, об оптимальном конструировании его институтов и их полномочий, никто не отрицает важности независимой профессиональной (судебной) экспертизы конституционности принимаемых законов как значимой гарантии против монополизации власти, её узурпации и нарушения прав человека. Этот круг проблем, который давно оказался в центре внимания демократических государств, России пришлось решать достаточно поздно, лишь в конце XX века, причём в ситуации масштабного кризиса государства и в очень короткий промежуток времени. Россия справилась с этим вызовом, выйдя из кризиса путём принятия Конституции 1993 года.

Концепция Конституционного Суда РФ в его современном виде стала результатом конституционной революции 1993 года, ознаменовав решительный отказ российского общества от советской однопартийной диктатуры в пользу принятия международных (европейских) принципов правового государства, разделения властей и независимого конституционного правосудия. Прерогативы Суда были определены Конституцией и Федеральным конституционным законом 1994 года, превратившим его из института преимущественно конституционного надзора (каким он был ранее) в институт конституционного контроля, призванный рассматривать исключительно вопросы права, прямо не вмешиваясь в компетенцию политических властей (подобное вмешательство как раз и характеризовало его роль в предшествующий период). Это решение обусловило место КС в российской правовой и политической системе и его роль в трансформации российского конституционализма. В качестве негативного законодателя Суд своими решениями по вопросам конституционности принятого законодательства сыграл важную роль в становлении правовых институтов и развитии основных конституционных принципов — демократии, федерализма, местного самоуправления, рыночной экономики, гарантий прав и свобод личности, — став институтом, активно транслировавшим через свои решения идеологию правового государства и вместе с тем осуществлявшим пересмотр отживших норм советского отраслевого права — гражданского, уголовного, административного, процессуального и другого.

Для понимания деятельности всякого правового и политического института имеет значение целостная характеристика, объединяющая концептуальные, формально-правовые, структурные и функциональные принципы деятельности, а также определение места института в социально-политической жизни общества на разных стадиях развития, что предполагает широкую проблематику, представительную базу источников и привлечение различных методов исследования. Именно такой подход представлен в данной книге. Авторы поставили перед собой цель дать целостный образ такого института — Конституционного Суда — за весь период его существования. Представленный портрет, как надеются авторы, получился реалистическим: он отражает достоинства данного института в сравнительно-исторической перспективе, но не скрывает его недостатков, позволяя говорить о проблемах, трудностях и нерешённых вопросах российского конституционного правосудия. Содержание книги может быть условно разделено на пять тематических блоков, различающихся задачами, проблематикой и основными исследовательскими методами — сравнительно-правовым, историческим, институциональным и просопографическим, типологическим и политико-правовым, — что, разумеется, не исключает их пересечения в отдельных главах книги.

Сравнительно-правовой подход позволяет представить место российской модели конституционного правосудия в контексте соотношения его основных исторически сформировавшихся моделей, условно определяемых как американская и европейская, а также их различных гибридных вариантов. Исторические различия данных моделей, как известно, связаны с особенностями англо-саксонской (семья общего права) и континентальной (романо-германская семья) правовых систем, параметрами основных моделей конституционного правосудия — соотношением в них конкретного и абстрактного, предварительного и последующего, децентрализованного и централизованного нормоконтроля. Между тем следует отметить, что в условиях глобализации отчётливо набирает силу тенденция к их сближению, взаимопроникновению и конвергенции, порождающая многообразие различных комбинированных вариантов. Существенная роль в этой трансформации принадлежит международному праву, прежде всего — Европейской Конвенции по правам человека, международным и транснациональным судам, которые, как Европейский Суд по правам человека (*далее* — ЕСПЧ), оказывают существенное влияние на национальные конституционные суды, рассматривая интернациональный диалог судов в качестве важного инструмента выработки универсальных критериев в обеспечении гарантий прав и свобод личности, причём как внутри, так и за пределами отдельных государств. Как выглядит на этом фоне модель российского конституционного правосудия, которая органи-

чески связана с континентальной традицией (прежде всего германской и французской), но при этом не может игнорировать позиции международных судов, доктрин, постановки вопросов и решений институтов контроля конституционности в странах прецедентного права?

С этих позиций практически во всех главах книги проводится сравнение российского КС и его правовых позиций с позициями международных судов и институтов конституционного правосудия иностранных демократических государств, политические системы которых при всём различии основаны на верховенстве прав человека, разделении властей и принятии идеи конституционного правосудия. Сами эти институты (например, Верховный суд США, Верховный суд Соединённого Королевства, Конституционный совет Франции, Федеральный конституционный суд Германии и другие) проделали сложную эволюцию и не всегда имели одинаковую компетенцию и функции, что делает задачу интерпретации и адаптации их решений непростым делом и показывает ограничения механического применения метода аналогии. В связи с этим важное место в главах книги занимают соотношение международного и конституционного права в решениях Конституционного Суда, его отношения с транснациональными судами (ЕСПЧ), а также вопросы многоуровневого конституционализма. Вопрос о соотношении сдержанности и активизма, определяющий вклад КС в трансформацию правовой системы, рассматривается как с позиций общей институциональной конфигурации места институтов контроля конституционности, так и с позиции используемых доктрин, понятий и способов аргументации, которые, имея в основном западное происхождение, иногда получают неоднозначную интерпретацию на российской почве. К числу таких доктринальных установок, как выяснилось в ходе исследования, следует отнести такие понятия, как конституционная идентичность, многоуровневый конституционализм, взвешивание (балансирование), пропорциональность, субсидиарность, почтительность, согласованное толкование, презумпция добросовестного законодателя, уважение к суду, разумная сдержанность и активизм, судейская этика, должное исполнение судебных решений и ряд других, которые приобретают разный смысл в научных трудах, не говоря об их применении в практике российского конституционного правосудия. С этих сравнительно-правовых позиций авторы данной книги обсуждают и дискуссионную проблему, поставленную реформой 2020 года, а именно конституционное закрепление новой компетенции Суда определять соответствие решений международных судов российской конституции с правом отвергнуть эти решения.

Другим направлением исследований стало раскрытие деятельности КС в исторической перспективе. В этом отношении имеет значение анализ конституционных проектов начального периода: от первых идей и проек-

тов такого института периода Российской империи до современных теорий и практики конституционного правосудия, ставших предметом обсуждения в ходе конституционной реформы 2020 года. Здесь представлен ряд дискуссионных вопросов, среди которых в первую очередь вопросы о причинах выбора модели Конституционного Суда. Использовался ли только иностранный или также отечественный опыт? Как соотносились модели Конституционного Суда и Верховного Суда, наделённого функциями конституционного контроля? Чем объясняется принятие данного института в окончательном виде (с избранием в качестве общего ориентира модели Федерального конституционного суда Германии)? Каковы были источники заимствований из США, Франции и Германии в организации, функционировании и методологии деятельности? Каково значение этого выбора (в пользу кельзеновской модели абстрактного нормоконтроля) и как он повлиял на последующее развитие конституционного правосудия вплоть до поправок 2020 года? Далее следует обратить внимание на вопрос о преемственности Конституционного Суда по отношению к советской системе номинального конституционализма, которая в принципе не допускала разделения властей и поэтому не знала институтов судебного контроля конституционности. Одна группа исследователей подчёркивает эту преемственность с прежней Конституцией РСФСР 1978 года (в её обновлённой редакции 1990-х годов), другая настаивает на разрыве данной системы и формировании конституционного правосудия с чистого листа, по иностранным лекалам и в жёстком противостоянии с советской правовой традицией, на новых международных и конституционных принципах.

В рамках этой постановки вопроса проанализирован первый опыт создания института квазиконституционного контроля, возникшего в условиях крушения советской однопартийной диктатуры, — Комитета Конституционного надзора СССР, сохранявшего полную зависимость от Верховного Совета СССР и коммунистической партии, и сменившего его первого Конституционного Суда РСФСР (1991—1993), ставшего, вопреки ожиданиям, не только юридическим, но и активным политическим участником конституционного кризиса 1993 года. Поскольку постановка данных вопросов имеет смысл в отношении происхождения не только Конституционного Суда РФ, но и аналогичных институтов целого ряда постсоветских стран, представляет интерес реконструкция исходных проектов устройства конституционного правосудия, динамики их обсуждения и альтернативных стратегий принятия решений. Этот подход позволил увидеть известную преемственность если не в институциональном плане, то, по крайней мере, в постановке ряда вопросов, среди которых, например, предложение именовать Конституционный Суд «высшим судом», отвергнутое юристами в 1993 году, вновь возникшее на повестке дня в настоя-

шее время и приведшее к закреплению этого понятия в Конституции поправками 2020 года.

Третьим направлением анализа КС стал институциональный подход. С этих позиций показано место КС в российской структуре разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Известно, что создатели действующей российской Конституции 1993 года, принимавшейся в условиях жёсткого политического противостояния сторонников советских и либеральных ценностей, оказались перед сложной дилеммой. Им необходимо было закрепить либеральный принцип разделения властей, отсутствовавший в предшествующей советской доктрине, и одновременно обеспечить защиту этого принципа от разрушения и возможного поворота вспять при помощи введения института гаранта Конституции, то есть сильной президентской власти, наделённой почти монархическими прерогативами. Результатом, как известно, стала конструкция формы правления, внешне схожая с французской моделью (модель Пятой республики), которая представляет собой смешанную президентско-парламентскую республику, но на деле существенно отличная от неё с точки зрения адекватных механизмов сдержек и противовесов. При этом в основу организации конституционного правосудия в России была положена не французская (Конституционный совет), а немецкая модель (Федеральный конституционный суд Германии), получившая развитие в республике парламентского, а не президентского типа. Именно в эту оригинальную российскую форму правления и систему разделения властей оказался встроен Конституционный Суд РФ, перманентно вынужденный искать равновесие между институционально слабым парламентом (Государственная Дума) и сверхсильным президентом, наделённым практически неограниченными полномочиями по изданию указов с силой закона. Это определило общий дизайн устройства российского конституционного правосудия, его правовые основы, ограничения компетенции (исключительно вопросами права, но не факта) и практику функционирования, которые лучше всего раскрываются с позиций институционального метода.

Институциональный подход реализован в книге при рассмотрении эволюции действующего Конституционного Суда за период 1994—2020 годов. Он позволил констатировать следующее: при сохранении общей преемственности этой эволюции, заданной конституционными рамками и положениями Закона о Конституционном Суде 1994 года, в его развитии прослеживается чёткая периодизация, позволяющая выделить три ключевых этапа: с 1994 года по начало 2000-х годов; с 2001 по 2010 год; с 2011 по 2020 год. Данная периодизация, принятая авторами настоящего труда, представляется значимым достижением: её основным формальным критерием являются поправки, вносившиеся в Федеральный конституци-

онный закон о КС, однако ими определяются и качественные изменения структуры, функционирования и состава КС, роли его структурных подразделений (палат), председателя, секретариата, научно-аналитических подразделений, а также порядка рассмотрения дел. Переезд Суда из Москвы в Петербург в 2007 году приобрёл символический характер и, возможно, стал импульсом для существенных изменений в его организации (2009—2010), определивших тенденции современного развития этого института. Разумеется, подобная трёхзвенная периодизация может корректироваться в зависимости от круга рассматриваемых вопросов в отношении уточнения рубежных дат, однако в целом она отражает логику трансформации российского конституционного правосудия. Таким образом, рассмотрение КС в длительной перспективе позволяет констатировать, что при внешней эволюционной преемственности он претерпел существенные внутренние изменения, превратившись из вполне независимого института, способного оппонировать другим ветвям власти, включая президента (на первом этапе), в институт, ориентированный преимущественно на достижение лояльного компромисса с другими ветвями власти (на втором этапе), с тем чтобы в итоге (на третьем этапе) стать институтом, решения которого становятся, по изящному выражению одного из авторов, более чем предсказуемыми.

Для такого института, как Конституционный Суд, который существует достаточно длительное время (длительное, конечно, по меркам новых демократических государств), основой стабильности и преемственности служит воспроизводство своего состава на основе определённых критериев, получающих нормативное закрепление в Федеральном конституционном законе о КС. К ним относятся: порядок назначения и прекращения полномочий судей, продолжительность их мандата и его длительность, возраст судей (в том числе предельный возраст), профессиональные и этические требования к ним, полномочия председателя и его заместителей, процедуры их вступления в должность (выбор судьями или назначение), продолжительность осуществления своих полномочий и ряд других факторов. Эти критерии определяют состав Суда, а их пересмотр влечёт за собой качественные изменения его социального профиля и делает данный институт более или менее подверженным внешним воздействиям. Именно по этой причине данный круг вопросов во всех демократических системах регулируется с особой тщательностью, призванной обеспечить независимость и беспристрастность судей в вынесении чрезвычайно ответственных решений. С этих позиций в книге реализуется, по сути, просопографический метод (метод коллективной биографии). Так, проведён анализ персонального состава судей за весь период существования КС с учётом его трансформации, связанной с нормативной корректировкой рассмотренных вы-

ше критериев. Перед нами коллективный портрет состава КС в динамике его развития. Это исследование позволило сделать как минимум три важных доказательных наблюдения: во-первых, констатировать определённую преемственность состава КС РФ по отношению к его предшественнику — КС РСФСР (судьи, избранные Верховным Советом в 1991 году действовали до окончания своего мандата); во-вторых, отвергнуть распространённую гипотезу о том, что изменения состава суда связаны исключительно со стремлением устранить наиболее критически мыслящих судей (что не подтверждается системным характером изменений); в-третьих, констатировать рост инерции Суда, связанной с продлением (путём неоднократных корректировок законодательства) полномочий ядра действующего корпуса судей во главе с фактически несменяемым председателем. Эволюция организации, структуры и персонального состава суда за весь период времени может стать предметом размышлений о соотношении спонтанности этих изменений (в духе самоорганизации или сознательного самоограничения Суда) и их направленного характера, связанного с попытками подчинить Суд исполнительной власти, сделать его более управляемым и предсказуемым (используется даже понятие «манипулирование»). Оценка этих тенденций, вполне соотносимых с общей динамикой развития российской политической системы, оставляет простор для различных мнений — от реалистических или умеренно-оптимистических до вполне пессимистических оценок. Однако при этом нельзя упрекнуть авторов в недостатке доказательности выявленных процессов.

Четвёртый подход можно определить как типологический и функциональный, направленный на установление общей типологии решений КС, механизмов его функционирования, логики принятия решений, методов толкования и аргументации судебных решений. В книге, на наш взгляд, поставлен ряд важных дискуссионных проблем, которые существуют в этой области. Во-первых, затрагивается общая теоретическая проблема, которая касается неопределённости права и места судебного толкования в её ограничении. Вопросы неопределённости права (как теоретическая конструкция) и, напротив, его определённости получают очень разные решения в зависимости от трактовки данного явления. В принципе, неопределённость присутствует всегда, выражая логическое противоречие общего и частного, отражая трудность применения общих норм к конкретным ситуациям. Она может истолковываться как негативное явление (требующее преодоления путём нормативного регулирования) или как позитивное явление (позволяющее более гибко применять право с позиций судебного толкования) либо может вовсе вести к релятивизму — отрицанию чёткого смысла норм, — открывая путь к расширению дискреционных полномочий судов и административной власти. С этих позиций авторы обсуж-

дают критерии типологии решений КС, роль судебной интерпретации и толкования, а также исполнение (и неисполнение) правоприменителями решений Суда. Во-вторых, суммируются результаты длительных и, как выясняется, незавершённых дискуссий по вопросу о правовом статусе позиций Конституционного Суда. Эта тема затрагивается в связи с известным и, казалось бы, окончательно преодоленным противостоянием между Конституционным Судом, с одной стороны, и Верховным Судом и Высшим Арбитражным Судом (упразднённым конституционной реформой 2014 года) — с другой. Последний был особенно активен в первое десятилетие становления конституционного правосудия. Однако данная тема вновь обрела неожиданную актуальность в контексте поправок 2020 года (введения предварительного контроля наряду с последующим). Одни авторы говорят о незыблемости позиций КС как источника права, которым нужно лишь полностью и точно соответствовать, другие — об их «доктринальной неопределённости», открывающей различные стратегии классификации и интерпретации, третьи — об их преюдициальном и даже «прецедентном» характере (мы ставим это понятие в кавычки, поскольку имеется в виду, скорее всего, не прецедент решения, но прецедент интерпретации), подчёркивая гибкость их применения. Отмечается и определённая нестабильность позиций — отсутствие финализма (недопустимости пересмотра), их не всегда оправданная изменчивость, а временами отчётливая политизированность. В-третьих, в книге подробно представлен весь инструментарий современного конституционного правосудия — использование различных методов толкования и аргументации. Их значение особенно велико с учётом резкого увеличения роли конституционных судов в интерпретации точного смысла юридических норм, возможности комбинирования разных методов их истолкования как более или менее традиционных — от грамматического до телеологического, — так и новых, связанных с лингвистической деконструкцией юридического текста, потенциально способных сменить всю конституционную парадигму. В этом контексте констатируется важность теоретических доктрин, определяющих сочетание методов толкования, применение балансирования норм и технологий аргументации решений, способных как поддерживать преемственность конституционной интерпретации, так и провоцировать её изменения.

Пятый подход представляет собой использование методов политической науки и социологии права в анализе деятельности конституционного суда. Он получил распространение в современной науке главным образом в связи с решением проблемы легитимности судебных решений, которые могут быть юридически безупречными, но вызывать критику со стороны общества (так называемые «антимажоритарные решения») или стать фактором в противостоянии ветвей власти по острым политическим или

законодательным вопросам, когда Суд вольно или невольно становится участником конфликта. Сохраняется дискуссия в вопросе соотношения права и политики при оценке решений КС: одни исследователи исходят из того, что политика в корне противоречит исполнению Судом своих функций (что прямо вытекает из закона о нём) и должна рассматриваться просто как неконституционное давление на Суд (формы которого, впрочем, могут быть очень различны и далеко не всегда явно выражены), другие — используют это понятие для характеристики изменения позиций Суда, имея в виду «политику права», то есть совокупность доктринальных и правовых установок, определяющих логику вынесения решений, подходов к балансированию норм, измерения степени сдержанности и активизма. Наконец, представлен взгляд, фактически отождествляющий политику с судейской этикой как с выражением профессиональной и публично-правовой позиции судей. Эти вопросы нельзя обойти при анализе роли КС в переломных политических ситуациях или при принятии решений, существенно влиявших на политическое развитие страны, начиная с позиции КС в деле КПСС (1992 года) и в условиях конституционного кризиса 1993 года, продолжая рядом решений, существенно трансформировавших понимание конституционных принципов и вызвавших крайне неоднозначную реакцию в обществе (как решение по губернаторскому делу 2005 года или по делу ЮКОСа), и вплоть до решений, фиксирующих тенденции политического процесса новейшего времени, от наделения КС правом неисполнения решений ЕСПЧ (2015 год) до принятия им юридически спорного заключения о поправках к Конституции 2020 года.

Политическое значение решений Конституционного Суда, вне всякого сомнения, стоит рассматривать с позиций оценки легитимности действующей власти. Именно Суд определяет степень содержательного и процедурного соответствия этих действий конституционным нормам и их проецированию в законодательстве, а значит, и степень их конституционно-правовой легитимности. В этом смысле Конституционный Суд в полной мере выступает архитектором современной российской государственности, определяя трактовку исполнения международных обязательств страны, разделения властей, федерализма, прав и свобод личности, юридические отношения власти и оппозиции. Политический анализ конституционного правосудия позволяет рассматривать КС в более широком контексте социального взаимодействия — отношения общества к нему и отношения судей к обществу и власти. Эти отношения определяются целой совокупностью факторов — от уровня понимания населением роли конституционного правосудия до критического анализа его решений с позиций определённых групп интересов, установок политических партий как системных, так и несистемных, особенно оппозиционных движений и

их лидеров (наиболее чувствительных к соблюдению гарантий их прав). Важную роль играет и степень открытости Суда в разъяснении принятых резонансных решений, юридических процедур и мотивов, которыми руководствовались судьи при их вынесении.

В этой перспективе раскрывается совокупность вопросов, касающихся социальной роли конституционного правосудия, среди которых динамика общественных настроений и ожиданий по отношению к Конституционному Суду, доверие к нему общества, а также его политическая роль в качестве важного элемента системы разделения властей. Это позволяет обсуждать вопросы политической независимости и беспристрастности суда, экстра-конституционные воздействия (как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические) на принятие правовых позиций и их изменений, соотношение сдержанности и активизма в принятии к рассмотрению или в отклонении определённых значимых вопросов и, наконец, эволюцию его доктрины политики права и легитимирующих оснований деятельности.

Одной из важных самостоятельных целей книги стало определение позиции юридического сообщества в отношении общего вклада конституционной реформы 2020 года в развитие конституционного правосудия и в изменение места КС в правовой и политической системе. Очевидно, что реформа, с одной стороны, во многом продолжает тенденции, наметившиеся ранее, и конституционно закрепляет законодательные изменения последнего десятилетия, с другой стороны, подводит своеобразный итог всему предшествующему развитию конституционного правосудия и накопившимся деформациям и, с третьей — чётко символизирует разрыв с этой преемственностью, включая новую интерпретацию места Суда в правовой и политической системе в смысле круга компетенций, порядка назначения и отстранения судей, а также их численности. Постановка этих вопросов уместна прежде всего из-за принципиальной корректировки двух статей Конституции — 79 и 125, — а также ввиду принятия новой редакции Федерального конституционного закона о КС по результатам внесённых поправок. В книге представлен анализ наиболее важных изменений, таких как: введение нового принципа единства публичной власти, оказывающего влияние на общую трактовку разделения властей, федерализма, местного самоуправления, и поэтому, не могущего не сказаться на роли Конституционного Суда; конституционная фиксация возможности неисполнения КС решений международных судов в случае их противоречия Конституции и основам публичного правопорядка; наделение КС правом предварительного контроля конституционности всех законов, включая закон о поправках к Конституции, в том числе законодательства субъектов федерации (в реальности означающее отказ от децентрализованной судебной юстиции — упразднение конституционных/уставных

судов субъектов Федерации); наделение Суда, как считают некоторые, правом законодательной инициативы, несвойственной аутентичным институтам конституционного правосудия как негативным законодателям; ограничение числа судей, введение нового порядка их назначения и прекращения полномочий; оценка роли самого КС в подготовке, продвижении и легитимации этих изменений¹.

Основной вывод этого анализа вполне ясен: несмотря на формальное расширение ряда полномочий КС в рамках предварительного конституционного контроля, потенциал сбалансированности его решений, а также степень независимости их принятия оказались существенно подорваны и демонстрируют реставрационные тенденции российского политического процесса. Этот общий тренд, описываемый авторами в категориях конституционного авторитаризма, находит последовательное выражение в конституционном закреплении ряда недемократических структурных изменений предшествующего времени, порядка взаимоотношений Суда с обществом (запрет публикации особых мнений), спорной правовой легитимации политических реформ (как, например, обнуление предшествующих президентских мандатов действующего лидера с возможностью, по сути, неограниченного сохранения власти). Данный тренд развивается в контексте консервативной публичной риторики о необходимости восстановления национальных ценностей, традиций и идентичности, будто бы утраченных с крушением коммунизма и принятием «навязанной» Конституции 1993 года, и, напротив, о необходимости стремления к воспроизведению ряда советских стереотипов о единой вертикали публичной власти, в том числе о судебной власти во главе с Высшим судом (отнюдь не в библейском понимании), которые были отвергнуты в эпоху принятия Конституции 1993 года и либеральных политических реформ постсоветского периода. Дело доходит до прямых публичных призывов к ликвидации Конституционного Суда как института, противоречащего российской правовой «традиции» и «воли народа», или к его превращению в некий вспомогательный институт власти, своеобразное комнатное растение, предназначенное исключительно для эстетического удовлетворения либеральных интеллектуалов и профессиональных юристов. Это ставит под вопрос сохранение роли КС как независимого института контроля конституционности, ведёт к его встраиванию в единую систему власти, объединённой единой государственной волей, обеспечивает предсказуемость его решений если не для общества и профессионального юридического

¹ Анализ изменений законодательства и фактический материал данного труда проверены и актуализированы авторами на момент сдачи книги на общую редактуру (июль 2021 года)

сообщества, то для самой политической власти, а также ставит под угрозу легитимность самого конституционного правосудия.

Итак, перспективы конституционного правосудия в России остаются неопределёнными и зависят от логики эволюции конституционной и политической системы страны. Сохранит ли Конституционный Суд своё место в качестве независимого арбитра в конституционных спорах, станет по преимуществу проводником установок президентской власти или вообще утратит всякое самостоятельное значение, представ в роли канцелярии по юридическому оформлению политических решений? Этот вопрос витает в воздухе, становится предметом размышлений и тревоги для всех авторов книги, а обращение к нему свидетельствует об их искреннем стремлении разобраться в ситуации. Несомненным остаётся лишь одно: при любом развитии событий идеи правового государства, разделения властей и независимого контроля конституционности принимаемых законодательных решений останутся перспективным общественным идеалом. Даже если Конституционный Суд РФ полностью утратит своё значение, опыт его деятельности за истекший период представляется очень важным и, несомненно, будет использован на следующих этапах продвижения российского конституционализма.